

главного, исходного, центрального, единственно правильного.

Принцип сети – это тип мышления, идеалом которого выступает сетевая модель коммуникации, реализованная в сетевом маркетинге, в системе социальных сетей Интернет, в коммунистических практиках, в организации альтерглобалистского сообщества.

Сетевой принцип общественной организации характеризуется открытой горизонтальной и вертикальной мобильностью, преобладанием нестатусной коммуникации, самоуправлением и самоидентификацией.

Принцип синергизма (название происходит от термина «синергетика», обозначающее учение о саморазвивающихся системах) означает, что образом мира выступает модель неустойчивого и неравномерного саморазвития системы, которая испытывает постоянные флуктуации. Войдя в особую точку бифуркации, как точку неопределенности, флуктуация достигает такой силы, что конструкция системы не выдерживает колебаний и начинает разрушаться. В этом случае предсказать что-либо определенно является невозможным, поскольку даже незначительное колебание системы может вызвать к жизни новую тенденцию

и повернуть течение событий в необычное русло. Отсюда – идея вероятностного и неопределенного характера общественно-политического развития, в котором присутствуют не только элементы порядка, но и хаоса. Таким образом, модель мира как упорядоченной системной связи заменяется *стохастической* (неустойчиво-вероятностной) моделью мира.

1. Статья публикуется в рамках следующего проекта: Проект «Гуманитарное знание XXI века: интеллектуальные и институциональные вызовы» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Экономика и социология знаний».

2. См.: Степин В.С., Кузнецова Л.Ф. Научная картина мира в культуре цивилизации. М., 1993; Швырев В.С. Рациональность в спектре ее возможностей. К проблеме оценки рациональности как ценности культуры // Исторические типы рациональности. Т. 1. М., 1995; Колесников А.С. Типы рациональности и философская культура // Рациональность и проблемы познания. СПб., 1995 и др.

3. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / Пер. с нем. Е. Герцык и др. М., 2005.

4. Там же. С. 472.

5. Там же. С. 75.

6. Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 6. С. 9.

7. Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 6. С. 39-40.

8. Там же. С. 41.

9. Там же. Т. 49. С. 340.

10. Там же. Т. 26. С. 258-259.

А.Г. Шабуров

СПРАВЕДЛИВОСТЬ/НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК КЛЮЧЕВОЙ КОНЦЕПТ ПОЛИТИКО- ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА

Шабуров
Алексей Геннадьевич

аспирант Института
философии и права
УрО РАН, доцент
МАДИ

справедливости всё, что можно только придумать, пользовались и пользуются все, кому это надо: от великих философов до обычных демагогов.

Кажется, что нет смысла заново повторять их опыт, и придумывать какие-то свои оригинальные суждения о справедливости, потому что занятие это насколько трудоемкое, настолько и неблагодарное. Вместо этого можно начать с того, чтобы привести в пример лишь некоторые широко или не широко известные высказывания о справедливости, которые можно встретить в литературе философского и политологического характера. Итак.

«Справедливость есть первая добродетель общественных институтов, равно как истина – первая добродетель систем мысли» (Джон Ролз)¹. Верно

На самом деле, о справедливости можно сказать всё, что угодно, и практически всё из этого будет правдой. И этой возможностью – говорить о

ли это? Верно. Вряд ли мы станем спорить с тем, что от мысли мы хотели бы получить истинность, а от институтов – справедливость.

Другое высказывание. «Справедливость – это воображаемая личность, придуманная для удобства речи» (Иеремия Бентам)². Здесь говорится о том, что справедливость – это не более чем идеологическая формула, предназначенная для того, чтобы выдать свои частные интересы за общие. Думаю, с этим часто можно столкнуться, наблюдая за политикой. Когда большой политик, например, затевает войну под предлогом восстановления международной справедливости и защиты несчастных граждан банановой республики, а на деле это приводит к экономической выгоде для наиболее дружественных ему корпораций. Или появление партий, использующих в своих названиях «справедливость». Или, например, античная формула «Справедливость каждому своё распределяет», превратившаяся в лаконичное «Каждому своё» на воротах Бухенвальда. И где здесь добродетель общественных институтов?

Или ещё одно. «Справедливость – это право без принуждения» (Иммануил Кант)³. То есть, это норма, которая осознается человеком как обязательная и законная, но не имеющая при этом законодательно закреплённого статуса. Ведь право без принуждения – это уже не совсем право. И в таком случае возможна ситуация, когда требования и нормы институтов, которым мы формально обязаны подчиняться, подвергаются нами сомнению. И тогда можно поступить либо по закону, либо по справедливости. Что из этого выбрать?

А может быть, справедливость – это всего лишь «более широкая лояльность» (Ричард Рорти)⁴, то есть лояльность своему сообществу, вытекающая из чувства со-общности, сопричастности. И мы возводим нормы своего сообщества в ранг высших моральных законов, хотя на самом деле это просто функциональные правила, к которым нас приучают с детства. И нет никакой добродетели.

Те трактовки справедливости, которые приведены выше – это лишь малая часть того, что существует. А теперь представьте, что мы не знаем ни одной из них. Или знаем их все. Что-нибудь, кроме нашего интеллектуального багажа и набора цитат на все случаи жизни, от этого изменится? Мир станет справедливее?

И вот что интересно. Если мы не знаем ни одной теоретической концепции справедливости, справедливость при этом не перестаёт нас беспокоить. Проблема справедливости существует вне зависимости от того, что мы о ней прочитали или даже написали. Для этого достаточно внимательно посмотреть вокруг. Справедливость заботит многих, почти всех, теория справедливости не интересует почти никого. Многие действия, благоразумные и не очень совершаются во имя справедливости, ей даже посвящаются фильмы и песни, не говоря уже о книгах и концепциях. Но при этом понятно, что только действия могут изменить что-либо.

Всё дело в том, что корни проблемы справедливости лежат вне плоскости языка, и на уровне языка эта проблема не решается. Любая же концепция – это всегда языковая конструкция, которая пытается отразить тот или иной смысл. Прелесть языка в том, что об одной и той же вещи, тем более о такой абстрактной, можно сказать совершенно по-разному, а сказанное можно точно так же по-разному понимать.

Чаще всего справедливость связана с распределением. Не обязательно с распределением материальных благ. Это может быть распределение власти, привилегий, да и просто почёта и уважения. Не важно. Есть какая-то коллективная деятельность, в которой мы принимаем участие и в которую мы вкладываем часть сил и ресурсов. И мы хотим получить определённую долю благ, возникших в результате этой деятельности. Если в итоге мы получаем то, на что мы рассчитывали, то мы называем это справедливостью. Если не получаем, то считаем это несправедливым. Всё. Всё остальное – игра слов и формулировок.

Самое интересное здесь в том, что рассчитывая на ту или иную долю благ, мы опираемся не на концепции справедливости, а исключительно на свое мнение, которое чаще всего даже не вербализовано. Здесь нет никакой теории, здесь есть только деятельность и блага.

Проблема в том, что требования людей вступают в противоречия. Чаще всего мы хотим больше, чем нам готовы отдать другие. И вот когда возникает конфликт требований, мы начинаем облекать наши представления в словесную форму, чтобы доказать, что они и есть самые правильные. Мы требуем благ для себя, но чтобы это требование

было принято, мы говорим, что требуем справедливости для всех. И под напором риторики уже как-то забывается, что в основе всего лежит самый обыкновенный эгоизм.

Ещё одна загвоздка в том, что удовлетворить одновременно требования всех нельзя. Не хватит ресурсов. Нехватка ресурсов и сопровождающее её стремление к справедливости, как известно, обеспечивают общественное и экономическое развитие. Всё правильно, так и должно быть. Вот только вокруг всего этого нагромождается совершенно неподъемный груз слов и эмоций.

Каждый считает своим долгом сказать что-нибудь о справедливости, призвать к борьбе за неё, вывести людей на демонстрацию, или даже основать какую-нибудь партию социальной справедливости, или поднять восстание, или на худой конец написать книгу, где изложить свое уникальное видение теории и проблемы справедливости. Всё это составляет немалую содержательную часть как политики, так и политической философии.

Но нетрудно заметить, что восстания редко когда заканчиваются торжеством справедливости, потому что победители почти всегда начинают уничтожать побежденных, а потом и друг друга. Это просто новый способ перераспределения ресурсов, теперь уже в свою пользу – никак не в пользу всех. А о теориях и говорить нечего: не такто просто вспомнить социально-политическую систему, основанную на теории справедливости и эту теорию в полной мере реализовавшую.

Но человек, как мы знаем, не меняется. Он всегда будет хотеть чуть большего. Или, говоря политкорректно, он всегда будет стремиться к наиболее полной реализации идеала справедливости.

Итак, существует нечто, что всегда оставляет людей неудовлетворенными, что всегда побуждает нас стремиться двигаться дальше, бесконечно улучшать общество, что иногда провоцирует людей на решительные и радикальные меры; нечто, что может сплотить и объединить людей, сподвигнув их на действительно великие свершения. И это нечто, как ни странно, – это вовсе не теория справедливости авторства какого-нибудь уважаемого политического философа. Это нечто называется несправедливостью.

Да, в основе оценок несправедливости лежит наш неудовлетворенный эгоизм, наше недовольство действительностью. Но бывает так, что недо-

вольными оказываются слишком многие – проще говоря, массы. И тогда это недовольство становится легитимным, а собрание не довольных одним и тем же может превратиться в революционную толпу.

Несправедливость – это почти всегда факт, это то, с чем можно столкнуться на каждом шагу. Иногда мимо неё можно пройти, иногда нельзя. На самом деле, есть даже специальный институт, который призван бороться с несправедливостью. Правда, он не всегда хорошо справляется с этой обязанностью, а иногда даже начинает эту несправедливость продуцировать. Этот институт называется государство.

Тут было бы интересно порассуждать вот в каком ключе. Борьба с несправедливостью в самом широком смысле есть цель и смысл существования государства. А что станет с государством, если оно вдруг своей цели достигнет? Исчезнет? Самоликвидируется? Оставив этот вопрос без ответа, рискнем предположить, что мало какой институт будет работать во имя собственной ликвидации. Но и не работать совсем он не может. И вот государство успешно борется с несправедливостью в одном месте, продуцируя при этом её же в другом. И в этом нет никакого злого умысла, так работает система. Это называется политическим развитием. А если государство не справляется, очевидной несправедливости может стать слишком много, и тогда это приводит к тому, что называют кризисом. Впрочем, с кризисом все равно будет бороться то же самое государство, хотя возможно и с другим персональным составом правительства.

И мы понимаем, что несправедливость крайне важна для политики. Примерно так же, как враг важен для войны. Без неё ничего не будет. Это отправная точка как политики, так и политической философии. Круг замыкается.

Итак, что мы имеем в итоге? Несправедливость как свойство любой реальной социально-политической системы делает справедливость Великой Идеей – возможно, одной из самых великих идей.

Но величие её состоит не только в её моральной силе, но и в её принципиальной невоплотимости, а значит – в её вечности. Ну а вокруг этой Идеи сам собой появляется целый набор идеологий, концепций, теорий, программ и других маловра-